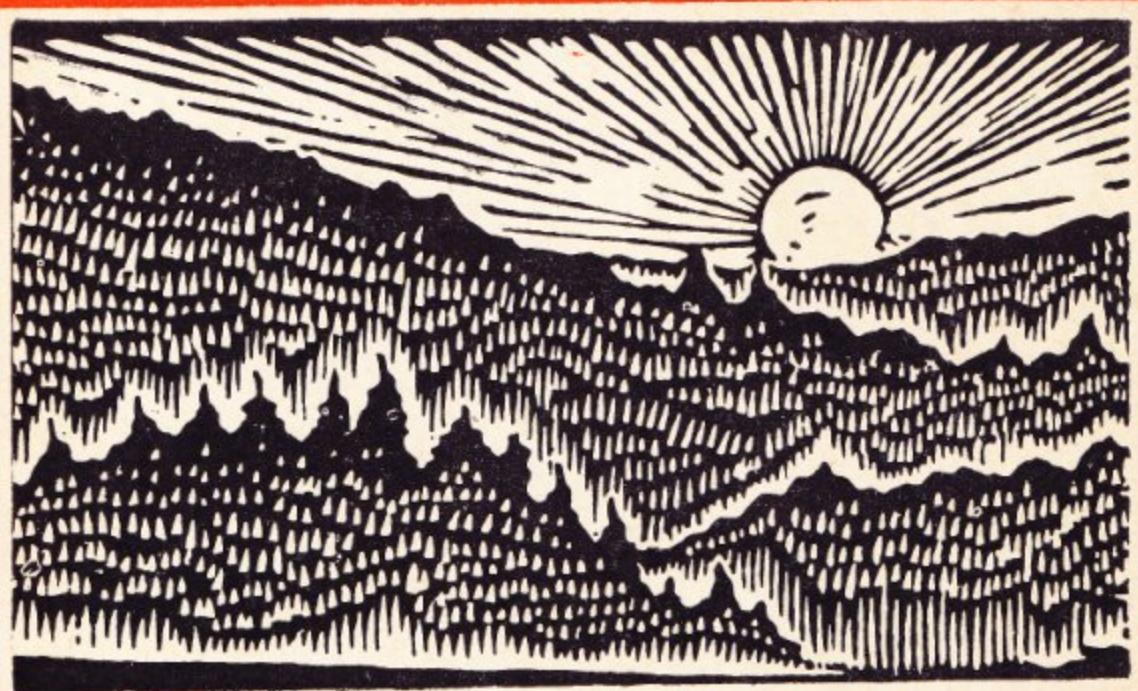


254 6
(2)

наш край



4

1970

синий и зеленый цвета, причем так, что синий не идет рядом с зеленым, а разделяется от него красной просновкой. В своем чистом виде сине-красно-зеленая гамма лучше всего сохранилась в Косинском и Гайнском районах. Большинство поясов здесь выполнено в этих трех названных цветах. Иногда заменителем красного выступают алый и бордовый цвета, а как разновидность синего — сиреневый.

В Кудымкарском и Юсьвинском районах с традиционной гаммой начинают обращаться более свободно. Поначалу в полосатых поясах с белым фоном заменили синий цвет черным и постепенно дали черному цвету возможность выступать самостоятельно. Относительной самостоятельности добились в южных районах также бордовый, алый и оранжевый цвета. Они появляются не только и не столько как заменители красного цвета, а идут рядом с красным цветом.

В Косинском и Гайнском районах цвета тональных переходов не имеют, но оттенки красного, синего и зеленого цветов подбираются так, что дополняют друг друга и вместе составляют очень приятную гамму. В Кудымкарском районе и особенно в Юсьвинском начинают уделять внимание тональному подбору цветов, плавному переходу от одного цвета к другому через один или два промежуточных, пробуют самые неожиданные сочетания: голубой с черным, зеленый с синим; в полосатые пояса с белым фоном вводят желтый цвет, что недопустимо с точки зрения традиционной гаммы.

* * *

Все, изложенное выше, позволяет сказать, что коми-пермяцкие тканые пояса — это оригинальные произведения искусства, сложившегося в веках, это традиция, которую коми-пермяки выпестовали и бережно несли на протяжении долгого времени. И хотя пояса как предмет одежды славно отжили свой век, нельзя допустить, чтобы канули в Лету рисунки и расцветка, отстоявшиеся во времени. Они помогут зрителю увидеть прошлое народа, прольют дополнительный свет на проблему культурных связей коми-пермяков с другими народами. Живет ткачество — и в нем смогут и должны воплотиться мотивы народного творчества и тонкий вкус национальных мастеров.

Л. С. Грибова

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ДЕРЕВЯННОЙ ПЛАСТИКЕ КОМИ-ПЕРМЯКОВ

Скульптурное изображение человека в Приуралье восходит к глубокой древности. Первые деревянные антропоморфные изображения на Урале известны среди находок Шигирского и Горбуновского торфяников. Это так называемые деревянные идолы. Миниатюрная фигурка «идоль-

чица» обнаружена также близ Синдорского озера в Коми АССР. На территории верхнего Прикамья подобные идолы пока неизвестны, но это не значит, что здесь их не было вообще.

Находимые в археологических памятниках деревянные (да и вообще всякие) изображения человека обычно почему-то считаются идолами — изображениями каких-то «языческих» божков. Очевидно, это утверждение исходит из того, что как у народов коми, так и у соседствующих с ними народов (хантов, манси, ненцев) было известно поклонение деревянным идолам, причем до нас дошли не только письменные сообщения, но и сами идолы.

Однако относить абсолютно все антропоморфные фигуры к идолам было бы, на наш взгляд, крайностью. Этнографические данные нам подсказывают, что в народе с давних времен назревает необходимость изображения подобного себе образа не только в религиозных целях, но и в целях хозяйственных и эстетических. Как охотник делал чучело птицы для приманки дичи, так и земледелец ставил себе подобное существо в поле, чтобы отгонять птиц от посевов. Возможны были также «чучела» и в борьбе против врагов. Далее, человек-кукла — наиболее излюбленная игрушка для детей, должно быть, возникла в незапамятные времена.

Куклы, и именно деревянные, среди коми-пермяков бытовали повсеместно. Их мог делать любой крестьянин, сколько-нибудь имевший наработки резьбы. Чаще всего этим «баловством» занимались крестьяне-плотники. Иногда куклами являлись обыкновенные болванки, с грубым изображением лица в верхней части. Такая болванка обматывалась тряпками и являлась игрушкой-младенцем для девочек. В других случаях к этой болванке прикреплялись резные деревянные руки и ноги, которыми можно было двигать. Более тонко вырезанные куклы нередко раскрашивались.

В Пермском музее хранится коми-пермяцкая деревянная кукла, сделанная из дерева и мха. У куклы деревянная голова, палочки вместо ног, моховые волосы и одежда, перепоясанная лыком. На лыке же привязан игрушечный кузов к руке. Лицо дано плоско, с длинным, прямым, сильно выступающим носом. Глаза большие, овальные, широко расставлены. Рот тонкий. Это типически условная манера изображения лица у коми-пермяков. Подобное лицо мы видим и на металлических вотивных бляшках, и на серебряной маске из Плесковского могильника, относящейся к VI—IX вв. н. э.

Из сообщений местных старожилов известно, что в деревнях прежде были такие «колдуны», которые могли заставить деревянную куклу плясать. Оказывается, куклы приводились в движение с помощью черного шнура, который вечером, при свете лучины, был незамечен. К сожалению, до музеев куклы почему-то почти не дошли, несмотря на широкое распространение их в прошлом. Мы не можем сказать того же самого

относительно деревянных идолов. Очевидно, этот факт можно объяснить тем, что с появлением фабричных игрушек, более ярких и красивых, чем самодельные, деревянные куклы пошли на растопку, что не могло случиться с идолами, которых, даже если им уже не поклонялись, то во всяком случае несколько побаивались. Вот почему в наше время мы имеем возможность не только читать описания, но и видеть деревянные изваяния идолов и христианских святых.

Тот факт, что на крайнем северо-востоке Европы существовало поклонение идолам, не вызывает никаких сомнений. По описаниям скандинавских саг, идол биармийцев¹ был сделан из дерева, имел вид сидящего истукана с чашей на коленях и ожерельем на шее². В одной из саг говорится, что идол был одет в пурпурную шелковую одежду и имел золотую корону, увенчанную 12 различными изображениями³.

О большом количестве деревянных изваяний дохристианских богов у древних пермян имеются неоднократные письменные упоминания. В «Житии святого Стефана Пермского» дается довольно подробное описание внешнего облика таких изваяний. «Кумиры ваши древо суще бездушно, дела рук человеческих, уста имеют и не глаголют, уши имеют и не слышат, очи имеют и не узрят, ноздри имеют и не обоняют, руце имеют и не осознают, нозе имеют и не пойдут, и не ходят, и не ступают ни с места, и не возгласят гортанями своими, и не юхают ноздрями своими, ни жертв приносимых не принимают, не пьют, не едят»⁴. Как видим, здесь дается характеристика полной антропоморфной скульптуре (с лицом, руками, ногами), сделанной из дерева.

Одним из реликтоў, дошедших до нас из пермяцкого язычества, наверняка, является так называемый «гайнский идол», доставленный ученым в конце 50-х годов в Гайнский школьный (ныне народный) музей. Место находки идола неизвестно. В настоящее время он является собственностью Коми-Пермяцкого краеведческого музея. Это — не изображение человека, а только его личины, вырезанное на смолистом куске соснового дерева. При создании ее мастер умело использовал свойство самого материала, два срезанных суха изображают круглые, как у филина, глаза. Они окружены кругами древесных волокон, которые изображают складки кожи вокруг глаз, а продолжаясь вверх и вниз, являются как бы морщинами старого лица. Нос довольно плоский, конец его оформлен в виде плоского треугольника. Широкий, почти до ушей, рот растянут в зловещей улыбке со звериным осколом зубов, изображенных

¹ Многие исследователи легендарную Биармию отождествляли с древней Пермию. На наш взгляд, это была более северная страна, населенная финноязычным народом, родственными коми (Примечание автора).

² С. К. Кузнецов. К вопросу о Биармии, оттиск из Эо, кн. XV—XVI, М., 1905, стр. 16—17.

³ Там же, стр. 29.

⁴ Житие святого Стефана, епископа Пермского, СПб, 1897, стр. 28—29.

в виде треугольников. Подобную личину никак нельзя признать игрушкой или украшением. Это, несомненно, изображение какого-то злобного духа, демона, в котором воплощены и антропоморфные, и зооморфные черты. И это изображение, несомненно, перекликается с теми «шаманскими» изображениями I тысячелетия, в которых человеческому образу придавались черты животных или птиц. Надо отдать должное мастеру, сделавшему эту деревянную личину. И техника резьбы, и впечатляющий образ данного идола свидетельствует о незаурядном мастерстве резчика, его несомненном художественном таланте. Можно себе представить, с какой силой этот идол воздействовал на верящих в него людей. Властивший и всевидящий взгляд, направленный прямо на зрителя, химерическая злобная и торжествующая усмешка должны были парализовать всякую свободу действий, подавлять, диктовать, покорять. Впечатление, должно быть, усиливалось с помещением идола в темном месте.

Это единственный экземпляр сохранившегося злобного языческого демона коми-пермяков. Кого он представлял в действительности, в настоящее время сказать трудно. Имеются письменные сведения о женском божестве коми-зырян — Зарниань (Золотая баба), которое в некоторых источниках описывается скульптурным изображением злой старухи. Однако, достоверно отождествить вышеописанную личину с этим божеством невозможно.

Вплоть до настоящего времени среди некоторой части коми-пермяцкого населения существует поверье, что при строительстве дома возможна «порча» его со стороны мастеров-строителей. Свойство «напустить порчу» чаще всего имеет главный строитель, обыкновенно считающийся до некоторой степени колдуном. Делает он это, якобы, таким образом: вырезав деревянную куклу в виде человечка, рассекает ему голову и обмывает «рану» своей кровью, затем забинтовывает ее и прячет в специально заготовленную нишу между бревнами, так что кукла остается замурованной. Через определенный промежуток времени, в зависимости от силы заклятия, хозяевам начинают мерещиться по ночам различные звуки, шаги, беготня, со временем все более усиливаясь. Выход только один: задобрить колдуна, чтобы он указал место, где спрятана кукла, или самим найти ее и уничтожить. В противном случае приходилось, якобы, оставлять дом навсегда. Такие пустующие дома превращались в «чудищан керку» — «дом, который пугает»: в нем, якобы, жили чуды — нечистые существа, пугающие всех; население обычно обходило эти дома не только ночью, но и даже днем.

Стамики (дзууллез), которые ставятся изредка еще и теперь вдоль охлупневого бревна над крышей, часто имеют стилизованные формы человеческих фигур. В сложной композиции украшений крыши ближайший к коню-охлупню стамик выглядит всадником на крылатом коне, что связывается с древними мифологическими сюжетами.

Человеческие фигурки помещались также над пластическими изображениями коней-флюгеров, которые еще в конце XIX—начале XX вв. ставились на длинных шестах, возвышавшихся над деревнями. Вероятно, и человечки-стамики, и человечки на флюгерах в древности играли магическую роль. Как они, так и гайский идол, и таинственные куклы колдунов, возможно, представляют собой изображения древних «языческих» божеств, которые, выродившись, слились с многочисленным сном темных духов коми-пермяков — «чудов».

Другой струей развития антропоморфной пластики явилась церковная деревянная скульптура, в которой древние изваяния были перенесены в церкви и в часовни, приняв облик христианского Спасителя и святых. Эта церковная скульптура, расцвет которой в верхнем Прикамье относится к XVIII столетию, будучи результатом синтеза русской христианской идеологии и пермяцкого язычества, сохранила чрезвычайно много от традиционной местной пластики. Именно этим можно объяснить столь резкое своеобразие ее и отличие от других стилей скульптуры.

Особенно поражают нас близостью к пермяцким прототипам несколько образов. Паракева Пятница из с. Ныроб — деревянная скульптура с непропорционально большой головой, с удлиненными чертами лица, в высоком головном уборе, который как бы еще больше удлиняет лицо. Глаза большие, нос тонкий и длинный, сильно выступающий, губы тонкие, сжатые. Не зря Н. Н. Серебренников отмечает: «Трактована она в духе народных поверий... Плоскостные формы придают аскетический вид этому женскому божеству»¹. Таким же предстает скульптура «Николы Можая» из с. Покчи: «Уверенно, целостно в форме скомпонована фигура Николы. Плоскостные объемы скульптуры строго продуманы..., но несколько вытянуты в высоту и в них подчеркнуты вертикальные ритмы, ...и сверхъестественное удлинение головы «Николы Можая» из с. Покчи, как бы подчеркивающее его высокую психическую мощь, известно еще у идолов дохристианского времени... В обоих скульптурах характерны также неподвижная прямая постановка фигур и плоскостность форм. Эти признаки, как и малая пластичность лица, восходят к устойчивым традициям местной скульптуры, идущим от древнейших времен»². Рассматривая эти скульптуры, невольно вспоминаешь вышеописанное лицо пермяцкой куклы, которую мы сравнили с погребальной маской VI—IX вв. и металлическими бляшками-личинами того же и более раннего времени. А если взять весь ее внешний облик: короткое туловище и ноги, большая удлиненная голова в большом остроконечном головном уборе — она почти не отличается от древней деревянной статуэтки, найденной близ оз. Синдор.

¹ Н. Н. Серебренников. Пермская деревянная скульптура, Пермь, 1967, стр. 15.

² Там же.

Пластический образ еще одного христианского святого вызывает подобную же ассоциацию. Это — Сидящий Спаситель, известный по многим изваяниям из различных церквей Пермской области. Этот образ весьма оригинален по сюжету, фигура Христа, чаще обнаженная, изображена в сидячем положении, с поднятой к лицу правой рукой, левая лежит на коленях, иногда в ней палка. На голове терновый венок без шипов¹. Такую статую помещали в церкви в специальную «темницу», одевали в светлые желто-золотистые парчевые одежды. Этую одежду меняли в зависимости от христианского календаря. На «страстной неделе» покрывали черным бархатом, на пасху облекали в светлые одежды из блестящей серебристой парчи. На шею вешали цепь с крестом. Перед статуей Христа зажигали неугасимую лампаду². В тех случаях, когда статуя изображала одетого Христа, это была одежда крестьянина коми-пермяка: синий шабур, перепоясанный узорчатым поясом.

Данный образ весьма напоминает вышеописанного идола биармийцев, который изображался в виде деревянной статуи в сидячем положении, облаченной в пурпурныйшелковый халат, с золотой короной на голове и ожерельем на шее³.

Эти описанные статуи церковной пластики, а также многие другие, несомненно, отражают не только местную, национальную специфику стиля и техники антропоморфной скульптуры из дерева, но также — преемственность, сохранение веками сложившейся, традиционной трактовки художественных образов. Эти образы, связанные с определенными идеологическими представлениями, безусловно трансформировались вместе с изменениями этих представлений, однако, в них сохранились черты, сложившиеся, очевидно, в глубокой древности, в эпоху возникновения и первичного оформления данных образов.

Ныне в Пермской художественной галерее сосредоточено около 300 деревянных скульптур, причем сбор их продолжается и пока далеко не завершен. Самое большое количество изваяний взято с земель, населенных коми-пермяками. Однако они, очевидно, были известны также и на территории коми-зырян, о чем свидетельствуют экспонаты Яренского краеведческого музея Архангельской области.

К сожалению, с исчезновением церковной скульптуры угасла и тысячелетняя традиция антропоморфной деревянной скульптуры коми-пермяков. В настоящий момент можно сказать, что современной народной скульптуры из дерева нет. Наверняка, в этом отразилась многовековая борьба христианской церкви против местного «идолопоклонства». Развитие деревянной игрушки, как уже говорилось об этом, также пре-

¹ Н. Н. Серебренников. Пермская деревянная скульптура, Пермь, 1967, стр. 19.

² Там же.

³ С. К. Кузнецов. К вопросу о Биармии, оттиск из ЭО, кн. XV—XVI, М., 1905, стр. 29.

жратилось с распространением дешевой фабричной игрушки из различных материалов.

Можно надеяться, что местные художники, изучив самобытную скульптуру предков, возродят их замечательное искусство на новой профессиональной основе.

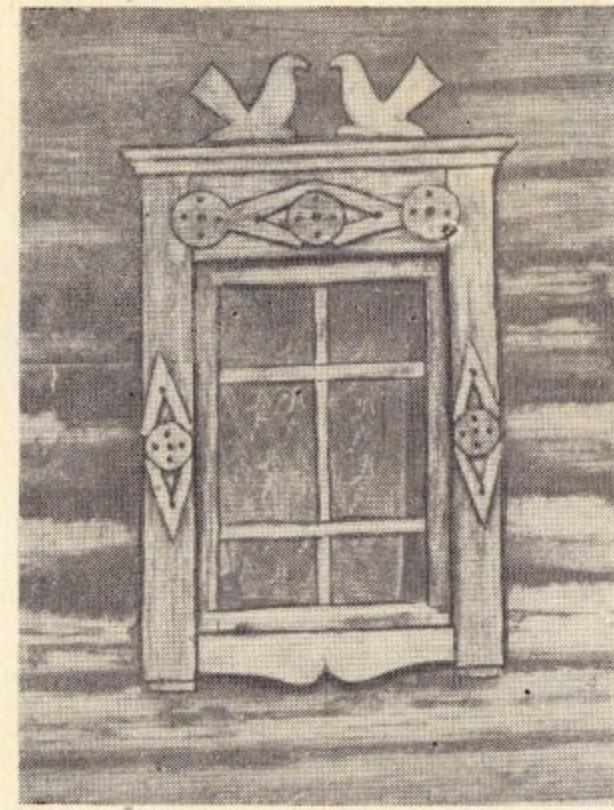
Г. Д. Канторович

НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО КОМИ-ПЕРМЯКОВ

Территория Коми-Пермяцкого национального округа — настоящее зеленое царство. Обилие леса, простота и доступность его обработки привели к тому, что местное население достигло высот мастерства в постройке своих жилищ и храмов, охотничих избушек, хозяйственных амбаров и водяных мельниц.

Один из первых исследователей коми-пермяцкой архитектуры А. Сыропятов отметил как одну из ее характерных особенностей — присутствие элементов так называемого звериного стиля. (А. Сыропятов. Отражение чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края. Пермь, 1924. См. также: М. Е. Успенская. Народное деревянное зодчество коми-пермяков. Научн. труды ЛИСИ, вып. 10, М.-Л., 1950 г.). Развитие и возникновение этого стиля связано с поклонением древнего человека природе, с культом животных. Традиции этого искусства живы до сих пор в резных деревянных украшениях народных жилищ — коньках крыш в виде птичьих или звериных голов (дом М. Г. Ратеговой в деревне Воробьево Кочевского района). Так же обрабатываются в форму меньших по размерам голов животных или птиц концы стропил — курицы или кокоры, поддерживающие желоба для стока воды (надо сказать, что название «курица», принятое в древнерусском деревянном зодчестве, не привилось у коми-пермяков, здесь этот элемент называют крюком). «Крюки» в виде лебедей с длинными шеями установлены на доме А. П. Зотевой в деревне Собачка Косинского района. Мастерски вырезаны наличники окон на доме Т. Г. Петровой в деревне Пелым Кочевского района. Верх наличников изображает двух петухов. Рисунок стилизован и выполнен с тем лукавством и чувством юмора, что так характерны для народного творчества.

Даже неискушенного в архитектуре человека поражает монументальность этих построек. Простейшими средствами коми-пермяцкий зодчий достигал убедительного эффекта. Приемы деревянной архитектуры достигли такого совершенства, что в течение долгого времени сохранили свое постоянство и дошли до нас почти в неизменном виде. Поэтому многие постройки нашего века не уступают в мастерстве произведе-



Окайный наличник на доме Т. Г. Петровой в деревне Пелым Кочевского района.

ниям предков. Таковы, например, дома, построенные в деревнях Косинского района, четыре дома в деревне Собачка построил Семен Васильевич Зотев. Сейчас ему 82 года, он до сих пор делает разную плотницкую работу. Любопытна сделанная им «по старинке» лестница целиком из одного бревна. В селе Новоселово в домах, построенных собственными руками, живут Вялков (дом построен в 1925 году) и Кукшинов (дом построен в 1922 году). Дома, построенные 40, 20, а иногда и 10 лет назад, так же впечатляющи, как и старинные дома в деревнях Воробьево, Ой-